

КРУГ ЧТЕНИЯ

В Москве на ВДНХ открылась Международная книжная выставка-ярмарка. А сегодня там праздник — День российской книги. И прекрасный повод поговорить о книге, ее месте в нашей жизни. Более недели москвичи, гости столицы и многочисленные зарубежные книгоиздатели, книготорговцы, писатели будут знакомиться с мировыми достижениями в книжном деле. Все-таки книга, несмотря на бурную конкуренцию во всем мире кино и телевидения, устойчиво остается пока первым, любимым и самым доступным духовным источником. И наша сегодняшняя страница — о духовном открытии книги. Об этом говорят народный артист СССР и известный поэт, прославленный вратарь и крестьянский сын — человек преклонных лет, исполненный опыта, мудрости, любви к книге. А разговор их предлагаем продолжить читателям.

Владимир Атлантов

ОТКРЫТИЕ КНИГИ

Дар вечного рождения

В одном из недавних выпусков «Круга чтения» мы представили рубрику «Открытие книги». Своими мыслями о любимых книгах, духовности чтения поделились артист Владимир Конкин, писатель Владимир Крулин, поэт Николай Доризо. Разговор продолжает солист Большого театра, народный артист СССР Владимир Андреевич АТЛАНТОВ.

— Владимир Андреевич, находите ли вы время для книг?

— Не скрою: раньше я действительно читал больше. Лет, наверное, 15 назад. Но, может быть, правильнее сказать, что тогда я читал чрезвычайно много. Особенно Горького, Куприна, Пришвина, Шолохова. Любовь к книгам у меня с детства. Мама не разрешала много читать, говорила: «Ты портишь глаза», — я тихонечко зажигал ночник, а бывало, что и фонарик, чтобы маму не беспокоить, и не мог оторваться от книг. Любая из них для меня была — как путешествие... А я родился страшно любопытным — в общем-то, и сейчас таким остался...

Не представляю себе человека, личности без литературы, без желания узнавать новое, расширять свой духовный кругозор. Но это не значит, что меня интересуют только новые произведения. Иногда люблю вернуться к старому. Ведь одно и то же по-разному воспринимаешь в разном возрасте: иные ощущения возникают, понимаешь, чувствуешь больше, и книга становится как-то объемнее.

— Возвращаетесь — вы имеете в виду: к классике?

— Конечно, и с удовольствием. Очень люблю Тургенева, полюбил его за описания природы — они так близки мне... Естественно, перечитываю Толстого, прежде всего «Детство», «Отрочество», «Юность», «Анну Каренину», «Воскресение», «Войну и мир». Если я посвящаю чтению какой-то из этих книг неделю, то даже за это время мои ощущения успевают измениться: я бы сказал — какое-то переливчатое, разнообразное восприятие. И каждый раз получаю громадное удовольствие от того, что общаюсь с великим писателем и с его героями, с людьми, которые живут там, — они не перестают жить и сегодня. Они обладают даром вечного рождения — для каждого ребенка, который, вырастая, обращается к ним. Ведь для него это — впервые! Это — как открытие мира! Иногда говорят: классика отжила свое, классика — это уже классика, потому что написано это было сто — сто пятьдесят лет назад: но для него-то это впервые, для него это современно!

— А какие «открытия» сделали в последнее время вы? Каких новых современников обнаружили в прошлом?

— Сейчас обратился к литературе древних авторов. Это Плутарх, Тацит. И получаю огромное удовольствие! Это может показаться странным, но в наши дни, оказывается, существуют некоторые проблемы, которые были и две, и две с половиной тысячи лет назад, и очень интересно сопоставить восприятие людей, которые жили так давно, с нашим. Проблемы бытия, мира, взаимоотношений между людьми и между государствами, конечно же, во многом изменились, но люди-то остались, они и страдают, и любят, и ненавидят, совершают благородные и подлые поступки. К величайшему сожалению, и споры между государствами до сих пор иногда решаются с помощью войн... Хорошая книга должна объединять людей, вселять чувство глубочайшего уважения друг к другу во всем мире. И Московская международная ярмарка, несомненно, способствует этому...

— Поделись секретом: каким образом вы пришли к этим писателям, как открыли их для себя?

— В детстве у меня оказалось старое издание Шекспира. А он ведь часто обращается к древним сюжетам. Так я заинтересовался «источниками». И вот случайно — на счастье — мне попался Плутарх... Вы понимаете, там — удивительное состояние духа. У древних было какое-то очень ясное, стройное и одновре-

менно — как ни парадоксально — чрезвычайно сложное отношение к себе, к миру, к тем напряженным событиям, в которых они принимали участие. Если представить себе состояние человеческой нравственности как лестницу, которая ведет к определенным высотам, то эти люди стояли на самой последней ее ступеньке, на самой ее вершине. За мыслями и чувствами у них всегда поступки: гармония между тем, что они чувствовали, и тем, как поступали. А мы — я поневоле сравниваю — можем иногда думать и говорить одно, а делать другое.

Я умышленно не говорю о литературе современной — по времени создания. О ней и без того много пишут, спорят, и это естественно. О классиках говорят куда меньше. Но тут — при всей внешней ясности — еще столько не раскрытого читателями!

— Любите ли вы поэзию?

— Честно говоря, к современной поэзии я не так серьезно отношусь, как к нашим классикам. Не скрою, что я испытываю ту же влюбленность, что и много лет назад, в Пушкина, Лермонтова. Это уже на всю жизнь, это уже не изменится, и поэтому волей-неволей я сравниваю свои ощущения при чтении Пушкина, Лермонтова, Тютчева и сегодняшних поэтов... Наверное, я не прав, но мне кажется, что сравнение это не в пользу современной поэзии.

— Помогают ли вам книги в работе над ролями?

— В начале театральной жизни я не связывал чтение с работой. Было, по правде, не до того: следил, как звучит голос, тем более что я страшно боялся сцены, волновался безумно перед каждым выступлением. Сейчас я так же волнуюсь перед выходом (эти чувства не изменились совершенно), но, получив новую роль, особенно если она историческая, уже сажусь за книги. Сравнваю, как об одном и том же событии, герое пишут разные авторы.

— То есть вы связываете актерское умение или, скажем так, вообще профессионализм в широком смысле с начитанностью?

— Я не могу сказать, что человеческая глубина соответствует количеству прочитанного, нет... Но то, как, к примеру, работает на сцене певец, его мастерство — это сумма духовных возможностей, способностей к сопереживанию, которые не только заложены в нем от рождения, но и приобретены в процессе духовного развития, а значит, зависят и от начитанности.

В опере наше главное оружие — голос, который должен выражать состояние человека, изменения этого состояния, его душевные движения. Для этого певец должен уметь использовать разные тембры. Казалось бы, чисто «техническое умение». Но когда я смотрю и слушаю, как наши певцы и певицы пользуются этим инструментом, как выражают голосом то, что чувствуют или должны чувствовать, я почти всегда могу сказать, что вот это интеллигентный человек поэт, а это — неинтеллигентный, этот много знает и много чувствует, этот чувствует поверхностно, этот — как блюдецко, другой — как колодец...

Хотя бывает и так, что начитанный, чувствующий, интересный человек, умеющий воспринимать и отдавать, несколько не потрясает на сцене. Просто он не на своем месте. Человек создан, как корабль, прекрасный корабль. Но в жизни довольно часто случается так, что этот корабль в силу каких-то обстоятельств находится весь свой век на суше. А предназначен он для плавания...

— Владимир Андреевич, и все-таки: когда вы успеваете читать, когда чаще берете книгу?

— Если не поешь здесь, в Большом театре, значит, поешь на гастролях или за рубежом. А ведь к спектаклям нужно готовиться заранее... И вот вдруг выпадает свободное время — «послеспектакльное» — и ты не умираешь от усталости... Какое это удовольствие: взять книгу, сесть спокойно и почитать!

— Вы считаете чтение отдыхом?

— Это не только отдых. Потому что сопереживаешь всему тому, что узнаешь, и отдаешь себя! Если просто так читать, не вникая, не переживая, то зачем читать? Это тоже душевная трата, и довольно значительная. Как отдыхать, читать, к примеру, Достоевского? С ним столько пережито, и он такое громадное место занимает не только в жизни нашего народа, но и в мировой нравственной жизни! Это громадный писатель с титаническими человеческими чувствами, так что, мне кажется, нормальный человек мимо него пройти не может. Он довольно тяжелый писатель для меня, в него очень трудно «войти», нужно настроиться на определенную, только ему свойственную музыкальную волну, реку. В каждом литературном произведении есть своя музыка: надо попасть в эту реку, и она должна пригнать тебя внутрь Достоевского... И потом очень трудно из него выйти. Ты остаешься на долгое время в особом состоянии, окружении... Вы знаете, это хорошо, что мы с вами говорим сегодня именно о книгах: думаю, что теперь я буду больше времени отдавать чтению. Почему? Потому что, когда я стал объяснять, что меня привлекает в нем, я вспомнил те ощущения, которые переживал в мире прекрасной литературы... И хочу снова их испытать.

Беседу вела Н. ПЕТРЕНКО.